

«ПРУССКИЙ ВОПРОС» НА СТАДИИ СТАНОВЛЕНИЯ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Проблема взаимоотношений рейха и Пруссии, или так называемая «немецко-прусская проблема», являлась одной из ключевых для Веймарской республики. Неразрывная часть рейха — Пруссия — с момента основания империи Бисмарка фактически олицетворяла собой немецкое государство, основанное на идеологии прусского консерватизма, силе ее людского, политико-экономического и военного потенциала. Ноябрьская революция в этом отношении могла и должна была стать судьбоносным этапом в истории Германии, началом осуществления давно назревших планов политико-экономических и территориальных преобразований, отправной точкой в деле создания демократического государства на качественно новой основе, с учетом ошибок и недостатков прежней конституционно-правовой конструкции.

События 9 ноября 1918 г. имели серьезные политические последствия для страны, положив конец дуализму Пруссии и рейха. Назначенный на пост рейхсканцлера принц Макс Баденский в отличие от своих предшественников больше не совмещал должности прусского министра-президента и главы рейхскабинета; руководство прусским правительством было возложено на лидера национал-либералов Роберта Фридберга [1, S. 1002]. Последний рейхсканцлер сохранял за собой лишь руководство прусским министерством иностранных дел, а также представлял голоса Пруссии в бундесрате, продолжая тем самым сформировавшуюся на протяжении десятилетий традицию тесного политического взаимодействия рейха с крупнейшим субъектом империи. Однако с началом революции была оборвана и эта последняя нить, связывавшая оба правительства, и ни Фридриху Эберту, ни Совету народных уполномоченных не удалось восстановить союз двух кабинетов [1, S. 1003]. В итоге, сформированное 12 ноября 1918 г. революционное прусское правительство как правительство автономного государства обладало всей полнотой власти в пределах своей земли и не являлось организационно связанным с руководством рейха, несмотря на формальное подчинение Берлинскому исполкому, в компетенции которого находилось право назначения и снятия прусских министров.

В целом события в Пруссии развивались по тому же сценарию, как это происходило с органами центральной власти в стране. Здесь был распущен парламент, но в то же время сохранен весь административно-бюрократический аппарат и действие прежних законов в части, не противоречащей распоряжениям новых властей. Судьба будущего прусского государства была поставлена в зависимость от решений земельного законодательного собрания, избранного 26

января 1919 г. на демократической основе и в соответствии с пропорциональной избирательной системой. Расклад сил в высшем законодательном органе Пруссии практически повторял ситуацию, сложившуюся в Национальном собрании (233 мандата приходились на несоциалистические партии и 169 на социалистические), и так же, как в Веймаре, привел к созданию 25 марта 1919 г. коалиционного правительства на базе СДПГ, Центра и НДП [1, S. 1013].

Практически с первых дней работы новая власть в Пруссии столкнулась с рядом проблем. Во-первых, непосильным на прусское государство легло обострение социально-экономической и финансовой ситуации в стране. Во-вторых, Пруссия была единственным субъектом рейха, которому проигрыш в войне грозил значительными территориальными потерями. В-третьих, революционные события воспринимались многими политиками и учеными не только за пределами Пруссии, но и в ней самой как реальный шанс к конституционно-правовой модернизации страны, где Пруссия, а точнее ее территориальному переустройству, отводилось одно из ключевых мест. «Масло в огонь подливали» активизировавшиеся под лозунгами «Прочь от Пруссии» и «Прочь от Берлина» сепаратизм и партикуляризм, которые, за исключением Бранденбурга и Померании, охватили все области прусского государства, особенно его восточные и западные провинции.

На начальном этапе работы над проектом нового основного закона в дискуссии о будущей форме немецкого государства неизменно фигурировали планы территориального переустройства Пруссии. Так, в записке известного немецкого ученого Вальтера Фогеля, направленной 11 декабря в адрес Гуго Пройса, предлагалось предоставить прусским провинциям большую степень самостоятельности и создать на территории Германии 14 примерно равных по своим размерам и количеству проживающего в них населения государств, или «рейхспровинций» [2]. Идею территориального переустройства Пруссии поддерживали известные политики и ученые, среди которых были Пройс, Аншютц, Мейнеке, фон Батоки и др.

Подобные планы не могли не вызывать серьезных опасений у прусских властей, видевших в намерениях центра реальную угрозу былому единству и могуществу богатого историческими традициями субъекта немецкой федерации. Впрочем, государственно-правовые вопросы, по мнению немецкого историка Энно Эймерса, в декабре 1918 г. еще не отягощали отношений между Пруссией и рейхом [3, S. 61]. Прусские министры и чиновники принимали участие в заседаниях центрального правительства, а вслед за требованием прусского кабинета от 10 декабря 1918 года сохранить в стране территориальный status quo; с аналогичным предложением выступил и Совет народных уполномоченных.

По-настоящему тревожным сигналом для Пруссии стало обнародование представленного Пройсом проекта конституции и последовавшее его обсужде-

ние. В одном из своих выступлений 28 января 1919 г. Пройс заявил, что у Германии есть лишь три пути дальнейшего развития: единое и унитарное государство, гегемония Пруссии или «по-настоящему федеративное государство с разделом Пруссии» [4]. В качестве главного аргумента сторонников территориальных преобразований фигурировал аргумент, согласно которому государство или «рейхспровинция», с территорияей, занимавшей 2/3 территории рейха, и населением, насчитывавшим 3/5 численного состава его населения, не могло быть равноправным членом будущего немецкого государства, обрекая его на двоевластие и внутривластную конкуренцию. Главным доводом сторонников прусского единства явилось стремление сохранить целостность и управляемость страной, что по силам было сделать только Пруссии, все еще обладавшей армией высококвалифицированных чиновников, а также внушительным экономическим и военным потенциалом. К тому же Пруссия категорически отказывалась приносить себя в жертву немецкому единству, в то время как остальные земли должны были сохранить свой «прежний облик». Так, «Дойче Альгемайне Цайтунг» цитировала слова прусского министра-президента Пауля Гирша, сказанные им на одном из заседаний парламента 14 марта 1919 г.: «Мы не знаем ни о каком прусском партикуляризме. Пруссия готова войти в рейх, в республику политически единой нации, в немецкое единое государство. Если союзные государства прекратят свое существование, тогда весь рейх можно будет в соответствии с целесообразностью разделить на административные округа. Но совсем неподходящим стал бы путь раздела Пруссии на неспособные к жизни и деятельности карликовые республики. Такой раздел стал бы роковым для нашей экономики, нашего транспорта и нашей культуры ...» [5].

С избранием в Пруссии унитарно настроенного конституционного собрания позиции местного правительства, постепенно приходящего в себя от шока первых месяцев революции, значительно укрепились. «Единство Пруссии!» — вот лозунг, под которым власть готова была изо всех сил сражаться с малейшими поползновениями в сторону ее компетенций, в том числе с растущим в земле сепаратизмом. В выступлении на заседании прусского парламента 21 марта 1919 г. Гирш жестко осудил «особые устремления» в Восточной Пруссии, Пфальце и Рейнской области и заявил, что «Пруссия не требует для себя никаких преимуществ, но и не хочет лишиться своих прав. Прусские административные институты и успехи в сфере культуры — вот те ценности, которые нельзя утерять» [6].

Не менее значимыми для Пруссии были еще два фактора, недооценка которых стала бы большой ошибкой. Во-первых, расклад политических сил в Национальном собрании и конституционном комитете позволял надеяться на лояльное отношение к позиции прусского руководства в территориальном вопросе. Во-вторых, расклад политических сил в высших органах власти Пруссии,

включая ее провинции, не представлял реальной угрозы деятельности центральных властей. Напротив, в разделе Пруссии центр видел источник возникновения совершенно неуправляемой ситуации, когда на месте одного демократического правительства, представленного партиями Веймарской коалиции, появился бы десяток кабинетов разной политической ориентации, создавая тем самым нездоровый прецедент для Германии в целом и земель в частности. К тому же ликвидация прусского монолита немедленно привела бы к децентрализации всей страны и явилась недостающим звеном, способным вызвать распад Германии в условиях сложной внутри- и внешнеполитической ситуации.

Таким образом, единство Пруссии, сохраненное на самом сложном этапе ее существования, объяснялся целым рядом обстоятельств, как объективного, так и субъективного характера. Несмотря на необходимость коренной территориально-административной реорганизации немецкого государства и очевидные недостатки прежней системы управления, никто при сложившихся обстоятельствах не готов был взять на себя ответственность в принятии столь серьезного решения, результат которого был абсолютно непредсказуем.

Между тем все более очевидным становился унитарный характер проекта новой конституции, работа над которой шла в стенах Национального собрания. Унитарно настроенный конституционный комитет, а вместе с ним и Национальное собрание «отвоевывали» у земель все новые полномочия, так что в конечном итоге окончательный вариант основного закона претерпел значительные изменения по сравнению с проектом, согласованным Советом народных уполномоченных и представителями земель в ходе февральских консультаций. Немецким землям не удалось не только отстоять принадлежавшие им по старой конституции резерваты, но даже самостоятельность в ряде вопросов, традиционно относившихся ранее к сфере их компетенции.

Одним из ключевых для Пруссии в ходе работы над проектом новой конституции стало обсуждение статьи 18, регулировавшей вопросы территориальных преобразований в стране. Столь важным данный вопрос представлялся именно потому, что Пруссия в наибольшей степени была затронута волной сепаратизма. Угрожающе развивались события в Рейнской области, где 1 июня была провозглашена республика. Не меньшую опасность представляла ситуация в Силезии, Ганновере и Пфальце. Появились планы создания «Великого Гессена» и «Великого Гамбурга». Прусский сепаратизм не был спонтанным движением определенных политических сил, искавших удачу в хаосе революции, он имел богатые традиции, уходившие своими корнями в историческое прошлое.

Прусские провинции, потерявшие некогда свою самостоятельность, на протяжении десятилетий накапливали неприязнь к «пруссачеству», так и не став в полной мере органичными частями этого государства-гиганта. К тому же

о себе давали знать различия исторических традиций и менталитета населения протестантского северо-востока и католического запада и зачастую не гибкие, если не сказать неумелая, «провинциальная политика» Берлина. Последний через своих чиновников насаждал чуждые местному населению порядки: «Повсюду, будь-то в Рейнланде, Ганновере, Шлезвиге-Гольштейне или Вестфалии «пруссак» воспринимался как чужеродное тело; и ничего случайного в том, что выражения «быть у пруссаков», «у Пруссии» звучали повсюду... Прусская армия, прусская сущность были чужды немецкому народу, и он выражал это тем самым образом» [7].

В ситуации, угрожавшей политической и социально-экономической стабильности страны, не могло быть и речи о поспешных действиях в области территориального переустройства Германии. Жесткая позиция прусского руководства и централистские устремления Национального собрания не оставляли никаких надежд сторонникам провинциальной независимости на немедленное правовое разрешение поднимаемых ими вопросов. Мало того, что статьей I предусматривался весьма запутанный и сложный механизм осуществления территориальных преобразований; ее действие в пунктах, имеющих непосредственное отношение к процессу изменения территории, «блокировалось» на два года в надежде на внутривластную стабилизацию.

С принятием Веймарской конституции значительно «ослабленная в своих правах Пруссия» вовсе не стала рядовым членом немецкого рейха. Оставаясь «государством в государстве», Пруссия превратилась в главного конкурента центра со всеми вытекающими отсюда последствиями. Результатом противоречий на уровне «рейх — Пруссия» стали отношения противоборства и соперничества между обоими правительствами, что не исключало попыток найти компромисс между органами центральной и местной власти. Подтверждением этому явилось принятое в середине декабря партиями прусской коалиции (СДП, НДП и Центр) совместно с НСДПГ обращение к правительству Пруссии начать переговоры с центром и субъектами федерации о создании на базе Веймарской республики унитарного государства [8].

Не было никаких сомнений, что предложение подобного характера вызовет противоречивую реакцию в стране, тем более что единства не наблюдалось и в самой Пруссии. Однако цель депутатов прусского законодательного собрания заключалась не столько в их стремлении к полной централизации Германии, сколько в желании продемонстрировать готовность Пруссии принести себя в жертву немецкому единству, чтобы раз и навсегда отвести упреки в свой адрес в желании способствовать процессам дальнейшего усиления позиций центральной власти.

Тактический и психологический ход, предпринятый прусским парламентом, возымел действие и получил широкий резонанс в стране. Вновь оживилась

дискуссия о будущем Германии, которая не утихла и в последующие за декабрём месяцы. Пауль Гирш не ошибался, когда предрекал прусским парламентариям серьезное противостояние со стороны ряда немецких земель. Оно последовало незамедлительно и прежде всего с «южного направления». Правительства Баварии, Вюртемберга, Саксонии и Бадена выразили свой скепсис в отношении успеха данного мероприятия.

Самой жесткой стала реакция политических кругов Баварии, и особенно Баварской народной партии, стоявшей, в отличие от Центра, на позициях беспромиссной защиты федерализма. В баварском ландтаге лидеры фракций выступили даже с совместным заявлением. БНП в лице Хельда безоговорочно отклонила прусскую инициативу, а НДП считала, что вынесенная за стены прусского парламента резолюция не только не принесет пользу стране, но и разрушит шаткое политическое равновесие, сложившееся в Германии после принятия Веймарской конституции. О своей приверженности федерализму заявил также Баварский крестьянский союз. Единственный голос в поддержку «берлинского предложения» прозвучал со стороны СДПГ, предложившей правительству незамедлительно вступить в переговоры с центром [9].

7 января 1920 г. в Штутгарте прошла конференция земель Южной Германии. Участникам конференции так и не удалось прийти к единому соглашению, поэтому ее итогом стала устная договоренность, согласно которой стороны решили воздержаться от поспешных оценок и выждать время. Штутгартская конференция, отмечая Эймерс, ярко продемонстрировала, что южно-германские правительства, отвергая идею единства, по-прежнему держали Пруссию в изоляции, несмотря на растущее в ней стремление к сближению с «Югом» [3, S. 263].

Не столь однозначно с оценкой прусской резолюции обстояло дело и в органах центральной власти, где имелись как сторонники, так и противники дальнейшей централизации страны. По крайней мере, вице-канцлер и министр юстиции Шиффер, министр финансов Эрцбергер и министр внутренних дел Кох выступали за тесный союз правительств рейха и Пруссии, а потому расценили «декабрьский сигнал» как готовность прусской стороны к конкретным шагам в данном направлении.

Остроты в развернувшуюся дискуссию добавили две памятные записки, авторство которых принадлежало Эриху Коху-Везеру (12 января 1920 г.) и Билу Дрексу (27 января 1920 г.). И тот и другой выступали за поэтапное усиление власти центра на местах, а также за тесный союз руководства Пруссии и рейха как залог стабильности и процветания республики.

Рейх не возражал против усиления централизации, но в то же время давал понять, что поступательное сближение возможно лишь на основе дальнейшей децентрализации власти на местах, и прежде всего в Пруссии. Кох сделал прусскому правительству предложение о более тесном сотрудничестве и объедине-

нии постов рейхсканцлера и прусского министра-президента. То же самое должно было произойти и в отношении обоих министерств внутренних дел в случае, если ключевые фигуры центрального правительства не получают места или право голоса в прусском кабинете [10].

По итогам состоявшегося 30 января 1920 г. совместного заседания прусского и имперского правительства в адрес прусского руководства было принято обращение, включавшее в себя три основных пункта: дальнейшая децентрализация власти в провинциях, тесное сотрудничество двух кабинетов, ликвидация прусских представительств в немецких землях [11, S. 004]. По обоюдной договоренности создавалась комиссия из 6 человек (Шифер, Кох, Давид — от рейха и Гирш, Гейне, Штегервальд — от Пруссии), которой предстояло вплотную заняться урегулированием существовавших разногласий и противоречий, на основе прусской декабрьской инициативы и памятной записки Коха. Однако тактика лавирования, которой пользовались прусские министры, не желавшие выносить на обсуждение широкую гамму назревших к тому моменту вопросов, вызывала непредвиденные трудности и в конце концов комиссия существовала больше на бумаге [12].

30 ноября 1920 года в Пруссии была принята конституция, которой несмотря на ее демократический характер так и не удалось в полной мере урегулировать проблему провинциального самоуправления.

Одной из последних попыток актуализировать проблемы взаимоотношений между Пруссией и рейхом на стадии становления Веймарской республики стал доклад представленный в 1922 г. под номером 10 комиссией Центрального управления по территориальному преобразованию немецкого рейха как итоговый аналитический документ по текущим актуальным вопросам [13]. Свою основную задачу члены комиссии видели в выработке общих рекомендаций, учет которых позволил бы в значительной степени улучшить взаимоотношения между рейхом и Пруссией и тем самым оздоровить внутривнутриполитическую обстановку в стране. В частности, комиссия констатировала, что усиление позиций центра и централизация управления такими областями как почта, железные дороги и финансы, существенно не компенсировало недостатков, возникших вследствие разрыва союза между прусским кабинетом и правительством рейха. Главный акцент в докладе делался на неизбежность персонального союза двух министерств, в то время как идея возвращения к прусской гегемонии при сложившихся к тому времени обстоятельствах полностью отвергалась [11, S. 1-53].

Создание единого государства в соответствии с прусской декабрьской инициативой, также как и предложения о разделе рейха на экономические провинции без учета внутренних границ, отвергались членами комиссии из опасения перед новой политической „битвой“ в стране. Комиссия в своем большинстве дистанцировалась и от предложений превратить Пруссию в „рейхсланд“ или разделить ее

на ряд земель (например, по числу провинций), которые бы находились в непосредственном подчинении рейха [11, S. 15-16, 27-30].

Несмотря на экстренный характер представленных в отчете Центральной комиссии мер по улучшению управляемости немецким государством, они так и не получили реального воплощения и Пруссия по-прежнему (до рейхсэзекюции 1932 г.) оставалась крупнейшим субъектом Веймарского государства и основным конкурентом рейха на внутривнутриполитической арене. „Ноябрьская революция“ в этом смысле не только не привела к «выравниванию» значения субъектов немецкого государства, но и значительно ослабила немецкий федерализм, поддержание основ которого в немалой степени можно было поставить в заслугу Пруссии. Поэтому Трипель прав, когда отмечает, что прусская гегемония не являлась ни чисто унитарным элементом конституции, ни федеративным [14]. С потерей доминанты в лице Пруссии и органа парламентского представительства немецких земель в форме бундесрата в отношениях между землями и рейхом образовался вакуум, заполнить который так и не удалось на всем протяжении существования первой немецкой республики.

Литература источники

1. Huber E.R. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789. Bd.5: Weltkrieg, Revolution und Reichserneuerung. 1914 — 1919. Stuttgart, Berlin, Köln, 1983.
2. Mauersberg J. Ideen und Konzeptionen Hugo Preuß für die Verfassung der deutschen Republik 1919 und ihre Durchsetzung im Verfassungswerk von Weimar. Frankfurt a. M., 1991. S.85 — 86.
3. Eimers E. Das Verhältnis von Preußen und Reich in den ersten Jahren der Weimarer Republik (1918 — 1923). Berlin, 1969.
4. Moller H. Die Verwaltung in den Ländern des Reiches: Preußen. // Deutsche Verwaltungsgeschichte. Stuttgart, 1985. Bd.4: Das Reich als Republik und in der Zeit des Nationalsozialismus. S. 542.
5. Bundesarchiv Berlin. R. 8034 III/200, Paul Hirsch, S. 92 — Deutsche Allgemeine Zeitung. 1919. 14. März.
6. Nationalversammlung (Preußen), Sitzung vom 21.03.19. S.92 — 93 // Deutsche Allgemeine Zeitung. 1919. 22. März.
7. Jacob B. Ein freies Hessen. Marburg, 1919. S. 37.
8. Heimers M.P. Unitarismus und süddeutsches Selbstbewußtsein: Koalition und SPD in Baden in der Reichsreformdiskussion 1918 — 1933. Dusseldorf, 1992. S.100.
9. Die bayerischen Parteien über den Einheitsstaat // Vossische Zeitung. 1919. 20. Dezember.
10. Schulz G. Zwischen Demokratie und Diktatur. 2. Aufl. Berlin & New York. 1987. S. 262.

11. NL-12-189, Koch-Weser, S. 004, Gemeinsame Sitzung des Reichskabinetts und des Preußischen Kabinetts // Bundesarchiv Koblenz.

12. Schreiben der Bayerischen Gesandtschaft in Berlin an des Ministerium des Äußern in München vom 17.02.20. S. 231. MA 1943 DR Bayerisches Hauptstaatsarchiv. 103281 (Bayern und Reich) // Schulz G. Zwischen Demokratie und Diktatur... S. 263.

13. Frotscher W. Die Organisation der Reichsverwaltung. S. 125 // Deutsche Verwaltungsgeschichte ...

14. Berndt R. Preußen in der Weimarer Republik: zum staatsrechtlichen Verhältnis Preussen-Reich zwischen 1918 — 1933. Halle, 1975. S. 154

И.Р. Чикалова

ПРОБЛЕМА “ПОЛ, ГЕНДЕР, ПОЛИТИКА” В АМЕРИКАНСКИХ И БРИТАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В последнее десятилетие на постсоветском пространстве отмечается повышение исследовательского интереса к эпистемологическим проблемам *Women's Studies*, в том числе к переосмыслению проблем репрезентации женщин в общественной и частной жизни в прошлом и современном обществе. женского освободительного движения, их политического участия. Этот интерес стимулировался снятием идеологических барьеров, более свободным обменом научными идеями и концепциями. С одной стороны, он выразился в возрастании числа тематических научных сборников, журналов, монографий, учебных пособий, переводов зарубежной литературы; с другой — характеризуется большей открытостью “традиционных” журналов и изданий к опубликованию феминистски ориентированных материалов. Исследование опыта развития феминистских стратегий на примере зарубежных стран становится одним из приоритетных направлений работы ученых.

До подъема во второй половине 60-х гг. новой волны женского движения анализ дифференциации общества по принципу *гендера** практически не интересовал исследователей; работы в области социальных и политических наук едва упоминали женщин. Историография не признавала за различиями пола определяющего статуса, аналогичного таким ключевым инструментам социально-исторической детерминации, как класс или раса. Временем начала “включения” женщин в научную литературу по общественным наукам и рождения “истории

---

* От англ.: gender. *Гендер* рассматривается в качестве социокультурной манифестации факта пребывания мужчиной или женщиной, в виде освоенных характеристик, ожиданий и моделей их поведения. *Гендер* — это осознанное значение пола.